

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-717-730

EDN: DDEPKY

УДК 811.161.1'37-11

Научная статья / Research article

Понятия «значения» и «смысла» в системной лингвистике

Н.В. Крашевская

Московский государственный университет геодезии и картографии, Москва, Российская
Федерация
 breshka2@gmail.com

Аннотация. Объектом исследования являются феномены, которые были названы при помощи известных терминов значение и смысл, но получившие свое особое понимание в системной лингвистике, создателем которой является выдающийся ученый Г.П. Мельников. Во главу угла ставится системно-детерминантный подход. Раскрывается роль значения и смысла как специализированных для коммуникации психических образований в формировании типа языка, а именно в достижении взаимопонимания членов того или иного языкового коллектива. В виде таблиц представлен сравнительный анализ понятия внутренней формы в трактовке Б. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ и Г.П. Мельникова с целью продемонстрировать динамику продвижения в понимании его сути как посредника между знаком и конечным содержанием высказывания. На нескольких примерах демонстрируется, как предложенное понимание явлений может обогатить любое исследование в области семиотики и вывести на путь изучения квантовых нейронных свойств человеческого мышления.

Ключевые слова: детерминантный подход, внутренняя форма, унифицированное содержание, намек

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Крашевская Н.В. Понятия «значения» и «смысла» в системной лингвистике // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 717–730. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-717-730>

© Крашевская Н.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Concepts of “Meaning” and “Sense” in Prof. G.P. Melnikov’s Systemic Linguistics

Natalia V. Krashevskaya

Moscow State University of Geodesy and Cartography (MIIGAiK), Moscow, Russian Federation
 breshka2@gmail.com

Abstract. The purpose and objectives of research is to derive the essence of the phenomena called meaning and sense how they appear in systemic linguistics (G.P. Melnikov). The system-determinant approach is to demonstrate the special job of meaning and sense for communication as a base for any language type specific character being the guarantor for mutual understanding between members of a particular language community. A comparative analysis of the concept of internal form in W. von Humboldt, A.A. Potebnya, I.A. Baudouin de Courtenay and G.P. Melnikov the interpretation is presented in the form of tables. It shows the dynamics of progress in grasp the essence of internal form as a mediator between the sign and the final content of the utterance. Several examples demonstrate how the proposed understanding of phenomena could enrich any research in the field of semantics and lead to the path of studying the quantum neural properties of human thinking.

Keywords: systemic typology of languages, determinant approach, internal form, unified content, hint

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Krashevskaya, N.V. (2025). The Concepts of “Meaning” and “Sense” in Prof. G.P. Melnikov’s Systemic Linguistics *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 717–730. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-717-730>

Введение

Данные записки посвящены краткому описанию понимания феноменов значения и смысла в ракурсе, который был предложен в работах замечательного советского и российского ученого Г.П. Мельникова.

Осмысление рассматриваемых понятий в предлагаемом аспекте имеет целью способствовать распространению и закреплению предлагаемого Г.П. Мельниковым понимания такого содержания названных понятий, которое, возможно, позволит исследователю по-новому взглянуть на предмет и объект своих изысканий, имеющих отношение к семантике. У нас нет намерения в деталях описывать все этапы постижения характера и особенностей явлений, которые могут быть названы терминами *значение* и *смысл*. Здесь нам хотелось бы с опорой на выводы, сделанные в работах Г.П. Мельникова, показать, что те феномены, которые Мельников называет при помощи данных терминов, в значительной степени определяют истоки типологических различий языков. То есть речь пойдет не о понимании терминов как таковых и не о том, как следует «правильно» эти термины трактовать, а о тех явлениях, которые стоит учитывать, видеть

и принимать как существующие и работающие в процессе речевой коммуникации, и соответственно, при формировании типологической специфики того или иного языка.

Исходные тезисы

- **Детерминантный подход**

Первый и самый важный исходный тезис звучит так: семиология — это наука о знаковых системах, а язык — это определенная разновидность знаковых систем. Казалось бы, в этом тезисе не заключено никакого сверхнового открытия. Однако следует обратить внимание на то, что, будучи системой, язык обладает всеми необходимыми, так сказать «конституирующими» признаками системного объекта [1]. В этом отношении следует вспомнить неоднократно рассматриваемый в работах Г.П. Мельникова «детерминантный» подход при определении сути понятия системы как таковой. Для того, чтобы пошел процесс формирования любой системы со всеми ее свойствами, необходимо существование некоторого основания [2. С. 53]¹. Это основание существует и действует как необходимая предпосылка появления системы и развития у нее требуемых функций и соответствующих свойств. Откуда же поступают требования? Они поступают извне, со стороны уже существующей системы более высокого уровня, которую Г.П. Мельников предлагает называть термином надсистема. Надсистема — хоть и достаточно прочно сформировавшийся объект, но тем не менее такой, который, находясь в процессе постоянного функционирования в своих «окрестностных» условиях, нуждается в поддержании своей динамической устойчивости изнутри и постоянно «посыпает сигналы» с требованием необходимых ей для самосохранения свойств со стороны своей субстанции, и соответственно, с требованием функциональной «подстройки» носителей требуемых свойств — своих составляющих. Такое требование Г.П. Мельников предлагает обозначать термином *запрос*, а то основное требование, которое должно вызвать усиление и развитие нужного свойства в каком-либо из составляющих надсистему элементов — внешняя детерминанта. Усиление требуемого свойства приводит ко вполне определенным изменениям не только одного этого свойства, но и всего элемента в целом как системы со всеми ее прочими свойствами и структурой.

- **Язык как специализированная знаковая система**

Что это дает нам для ответа на вопрос о том, почему языки такие разные? Именно здесь и стоит вспомнить, что язык является разновидностью знаковой системы, как указывалось ранее — и это превыше всего. Все прочие функции языка возникают и проявляются как следствие, хотя играют важнейшую роль. Следовательно, будучи знаковой системой, язык прежде

¹ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики: Монография. М. : Советское радио, 1978. С. 53.

всего подчиняется основной детерминирующей функции — функции коммуникации: «Необходимо видеть в языке формируемый в психике каждого члена языкового коллектива специализированный для универсальной знаковой коммуникации механизм»². А запрос поступает со стороны определенного человеческого коллектива, который нуждается в информационном обмене для поддержания своей динамической устойчивости (проще говоря — для выживания).

Следовательно, задача языка как механизма, прежде всего специализированного для коммуникации, состоит в том, чтобы выработать в процессе общения членов языкового коллектива такую технику обмена мыслительным содержанием, которая бы с наибольшей гарантией способствовала взаимопониманию. Здесь мы все больше приближаемся к цели наших рассуждений — к понятиям значения и смысла.

Требование социальной унифицированности системных составляющих языка

Очевидно, что для достижения взаимопонимания при общении, то есть при построении высказывания собеседникам важно ориентироваться на прогноз: что именно известно собеседнику и на что я могу опереться как на знание, гарантированно известное всем участникам процесса коммуникации. Это знание нужно обозначить так, чтобы не возникало сомнений в его общности у всех участников коммуникации³. Вот и первая ступень ответа на вопрос, почему языки такие разные: ежедневное общение десятилетиями, а то и веками в различных общностях людей происходит по-разному, поскольку их жизнь организована по-разному, и соответственно унифицированные знания для каждой общности — свои. Это приводит к выработке ряда универсальных средств, понятных и доступных каждому члену коллектива, и позволяет строить наиболее рациональную знаковую систему (тот или иной язык) именно для данных условий общения. В целом это достаточно устойчивое и консервативное образование, хотя динамика изменений условий общения может вызывать довольно значительные изменения в языке, в том числе и типологического характера. Уровень наличия общеизвестных в пределах данного языкового коллектива знаний — уровень взаимной осведомленности собеседников — зависит от нескольких факторов. Это численность языкового коллектива и соответственно параметры территории проживания, распределение актов коммуникации во времени — компактность проживания, а также степень однородности

² Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. Курс лекций. М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. С. 22.

³ Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. Курс лекций. М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. С. 17.

коллектива — фактор смешения языков и народов⁴. К примеру, если жители деревни или нескольких рядом расположенных населенных пунктов изо дня в день не один десяток, а то и не одну сотню лет общаются друг с другом, их друзья в соседней деревне — тоже, то им нет необходимости предметно обозначать каждый объект — достаточно указать на «координатные точки» и на смену одного тривиального события другим, не менее тривиальным.

Не будем развивать здесь эту линию рассуждений — сошлемся на первоисточник⁵. Заметим лишь, что в случае, когда меняются условия общения, начинают меняться и типологические признаки языка, а типология — это отнюдь не застывшая классификация и даже вовсе не классификация. Скорее это выявление и объяснение первопричин возникновения и характера тех или иных свойств того или иного языка.

Внутренняя детерминанта языка как требование к технике построения высказывания

Этот микроскопический экскурс в типологию языков выводит нас на вторую ступень ответа на вопрос, почему языки такие разные. Как мы видим из примера, условия коммуникации выводят на формирование определенной техники построения высказывания, свойственной потребностям достижения взаимопонимания в тех или иных условиях коммуникации. И техника построения высказывания на всех уровнях — от фонетического до синтаксического — подчиняется единым требованиям опоры на уровень взаимной осведомленности, которая в каждом языке имеет свое наполнение. Таким образом, следует говорить о некоем важнейшем требовании к используемой технике — в терминах Г.П. Мельникова о *внутренней детерминанте языка*. Например, продолжая приведенный выше пример о деревне и ее жителях, «координатные точки» объединяются собеседниками с вещественными морфемами по ходу высказывания, и это происходит настолько часто, что стандартизируется, превращаясь в легко воспроизведенное единство, которое приобретает вид слова-предложения (техника инкорпорации; *tutaonana leo?* суах. — дословно *мы будущее видеть и/с сегодня*); нет необходимости «набирать» его каждый раз для отдельной ситуации, как это происходит в языках иной типологии (техника агглютинации; *오늘 우리 만날까요?* кор. — дословно *сегодня мы встретить мне должен ли*). Но в контексте темы данной работы для нас важно, что любая техника построения высказывания в любом языке в конечном

⁴ Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. Курс лекций. М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. С. 105.

⁵ Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. Курс лекций. М. : Издательство Российской университета дружбы народов, 2003. С. 7.

счете использует материальные знаки, которые ассоциируются с психическим содержанием, а оно обязательно должно включать в себя элемент знания, универсального для всех членов языкового коллектива данного типа. Это фундамент. А уж как на этом фундаменте построить высказывание, то есть построить на этой базе конструкцию для обновления конкретных, преходящих, актуальных знаний у собеседника — это дело каждого языка. В основном мы, исследователи языков, тем и заняты, что эти строительные материалы описываем, иногда методы их использования для строительства конструкций ищем и средства для создания архитектоники высказывания сравниваем, пытаемся также их описать и даже иногда объяснить (здесь у нас получилась конструкция несколько в духе агглютинативных языков).

Значение и смысл в аспекте степени универсальности

Как было отмечено, материальные знаки каким-то образом должны не просто ассоциироваться с психическим содержанием, а ассоциироваться так, чтобы гарантировать собеседникам возможность выстроить «дорожную карту» высказывания на универсальном для всех членов данного коллектива едином фундаменте знания. Знание же поступает в человеческий мозг в виде сигнала, проходит свой путь по сети нейронов, закрепляется, приобретает вид, известный нам под условным названием «образ», и всё вместе, как утверждается ныне — больше по слухам — проявляет некие квантовые свойства одновременности бытия и небытия (судить о силе математического обоснования и о соответствии его реальности автор не берется). Эти рассуждения можно было бы посчитать досужими, однако согласно учению Г.П. Мельникова — и это представляется нам бесспорным — следует признать наличие такой области мышления, где нейронные сети полнятся образами и обменными потоками между ними, которые источником имеют сигналы, непосредственно поступающие из окружающей действительности (область внеязыкового мышления), и где мыслительная субстанция структурируется исключительно в соответствии с законами мышления. Но те же нейроны, с другой стороны, атакуются не менее материальными языковыми знаками. При этом следует учитывать типологические различия языков и тот факт, что чуждый язык все же можно постичь в определенной степени и при желании даже удается вникнуть в его чуждые технологии, хотя постоянно есть искушение подогнать их к родным и понятным словам и словоформам, существительным и прилагательным, подлежащим и сказуемым.

Вопрос о так называемом посреднике

Возникает вопрос: с чем же, с какими образами из всего бесконечного многообразия содержания внеязыкового мышления ассоциированы сигналы, поступающие со стороны языковых знаков? Для более наглядного представления

о том, что здесь имеется в виду, сформулируем этот вопрос «по-детски»: что именно из бесконечного многообразия образного содержания «цепляют» знаки в качестве тех образов, которые могут сослужить службу наиболее унифицированных, чтобы быть в состоянии передать сигнал далее по сети нейронов прямо к нужному актуально возникающему узлу связей?

Очевидно, что среди внеязыковых представлений о мире если и найдутся таковые в готовом виде, то никак не на все случаи жизни. А раз так, то они вырабатываются в процессе функционирования языка как знаковой системы, образуя специализированные средства, обеспечивающие работу механизма связи знаков с содержанием высказывания любой степени сложности.

Как оказалось, это один из «проклятых» вопросов языкознания. Г.П. Мельников в этой связи называет имена нескольких своих учителей и предшественников, которые серьезно задумывались над этим вопросом — вопросом о том, как осуществляется связь языкового материального знака с бесконечным многообразием мыслительного содержания. Среди них он выделяет таких выдающихся мыслителей, как В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня и И.А. Бодуэн де Куртенэ. А вопрос этот можно представить как вопрос о посреднике между знаком и конечным содержанием высказывания. Далее для удобства мы будем оперировать термином *посредник* в связи с идеями названных ученых-предшественников Г.П. Мельникова, но следует отметить, что в их работах статус тех или иных мыслительных элементов, о которых они рассуждали, не был четко определен. Мы находим эту четкость именно в работах Г.П. Мельникова.

Этот самый посредник, как оказывается при более детальном рассмотрении — настоящий черный ящик, в котором помещаются не только ни жив, ни мертв «кот Шрёдингера», но и ускользающая от взора «кочерга Витгенштейна», имярек «жук в коробке», недоказуемый «чайник Рассела» и вроде бы даже еще один кот — на сей раз уже «Квантовый Чеширский» (впрочем, последний может быть и вовсе даже не существует, будучи представленным лишь свойствами). Одно можно сказать об этом ящике с точностью — он должен содержать в себе элемент именно того универсального и унифицированного знания, на которое опираются все члены того или иного языкового коллектива для гарантии возможности достижения взаимопонимания в любой актуальной ситуации общения, о чем говорилось выше.

Над проблемой посредника размышляли лучшие умы языкознания, начиная с Вильгельма фон Гумбольдта, который и предложил понятие «внутренней формы» для того, чтобы описать содержание этого ящика (Табл. 1). Для краткого описания того, как представляли себе это содержание названные ученые, включая самого Мельникова, предлагаем, основываясь на материалах многочисленных работ Г.П. Мельникова, сравнить, что каждый из них думает: а) о знаке; б) о посреднике; в) о внеязыковом содержании.

Таблица 1 / Table 1

В. фон Гумбольдт / W. von Humboldt

о знаке / about the sign	о посреднике / about the intermediary	о внеязыковом содержании / about extra-linguistic content
внешняя форма знака (слово) / external form of a sign (word)	внутренняя форма; имеет сложную структуру, ассоциирована со знаком по смежности и имеет образный характер / internal form; has a complex structure, is associated with a sign by contiguity and has a figurative character	означаемое содержание, ассоциировано с внутренним образом по сходству / the signified content is associated with the internal image by similarity

Источник: составлено Н.В. Крашевской / Source: compiled by Natalia V. Krashevskaya.

Важнейшим здесь представляется, во-первых, противопоставление ассоциации по смежности и ассоциации по сходству; во-вторых, противопоставление обозначаемого содержания во всем его объеме и совокупности внутренних образов как имеющих особый характер и предназначение; в-третьих, то, что этот внутренний образ обеспечивает механизм перехода от материального знака к бесконечному означаемому по принципу сходства (отметим, что Гумбольдт как о базовой единице говорит о слове). Гений Гумбольдта состоит в том, что он, как при съемках из космоса, дает первое лежащее в основе дальнейшей детализации приближение к видению содержания черного ящика.

Таблица 2 / Table 2

А.А. Потебня / A.A. Potebnya

о знаке / about the sign	о посреднике / about the intermediary	о внеязыковом содержании / about extra-linguistic content
форма знака (слово) / external form of a sign (word)	первый по близости к знаку образ, «этиологический минимум» (ближайшее значение) / the first image closest to the sign, the "etymological minimum" (the closest meaning)	цепь ассоциированных образов разной степени обобщенности, редуцированности, и воспроизводимости / a chain of associated images of varying degrees of generalization, reduction, and reproducibility

Источник: составлено Н.В. Крашевской / Source: compiled by Natalia V. Krashevskaya.

Как видим из содержания Таблицы 2, в число составляющих содержание посредника семантических элементов А.А. Потебня включает только т.н. *ближайшие значения слов*, то есть наиболее редуцированные обобщенные образы. Гениальность Потебни состоит в том, что он раскрывает суть действующего механизма прохождения сигнала от первого звена (знака) к определению дальнейшего маршрута его «движения» по сети нейронов к нужному узлу. Следует учитывать, что «движение» берется в кавычки. Исследования в области квантовых свойств нейронов мозга, как представляется, должны будут прояснить, что конкретно стоит за этим «движением». Автор пока не располагает конкретными данными, но можно предполагать, что речь идет о законах сверхскоростей и мегамассивов данных. Но и так очевидно, что поступивший от знака сигнал ассоциирует какой-то вполне определенный специализированный под выполнение вполне определенной функции образ — именно такой, который способен в силу специфики своего содержания

не столько «обозначать» определенное содержание, сколько иметь наиболее широкие ассоциирующие возможности, и формируется такой образ именно и исключительно в ходе коммуникации.

Для обозначения самого образа — элемента знания, специализированного для выполнения названной функции, Г.П. Мельников использует довольно странное для термина, но очень точное название *намек*. Глагол *намекать* прекрасно выражает суть явления: вместо «железобетонной» конструкции структурных построений язык выработал гибкий динамичный механизм, основанный на обмене признаками между различными узлами, в которых возникают те или иные образы, и такой гибкий механизм обеспечивает достаточно точную «догадку» со стороны собеседника о том, куда направить мыслительную энергию. Однако любая конструкция превратится в аморфную, не имея каркаса. Первым базовым звеном этого каркаса и является единство знака и специализированного образа, о котором идет речь. Но этого недостаточно. Так мы неизменно приближаемся к пониманию феномена под кодовым названием *значение* в понимании Г.П. Мельникова и его связи с прочим мыслительным содержанием. Как указывалось выше, любой язык со своими типологическими особенностями нуждается в унифицированном знании, универсальном для каждого носителя языка. Следовательно, то звено, которое предполагает жесткую связь знака с функционально оптимальным для намека содержанием, и должно сыграть эту роль. А.А. Потебня очень близко подошел к такому пониманию, выделяя область ближайших значений как особую, выполняющую роль посредника. Все прочие образы разной степени обобщенности, редуцированности и воспроизводимости А.А. Потебня помещает в сферу внеязыкового содержания.

Очевидно, что в разных языках есть более воспроизводимые и менее воспроизводимые комбинации слов, слова с более закрепленным и менее закрепленным содержанием, а то и вовсе не закрепленным, да и вовсе не слова. Поэтому переходим к революции, совершенной И.А. Бодуэн де Куртенэ (Табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

И.А. Бодуэн де Куртенэ / I.A. Baudouin de Courtenay

о знаке / about the sign	о посреднике / about the intermediary	о внеязыковом содержании / about extra-linguistic content
- морфема / morpheme	- существование особой области мышления / the existence of a special area of thinking	конечный смысл высказывания: базируется на цепи ассоциаций закрепленных образов
- воспроизводимый блок морфем (слово) как внешняя форма знака / a reproducible block of morphemes (word) as the external form of a sign	- значение морфемы: минимум внутренней формы, максимально обобщенный образ, ассоциированный со знаком морфемы по смежности / morpheme meaning: minimum internal form, maximum generalized image associated with the morpheme sign by contiguity - цепь воспроизводимых образов от ближайшего до предконечного / chain of reproduced images from the closest to the pre-final	и на догадке о контекстных элементах содержания / the final meaning of the statement: based on a chain of associations of fixed images and on a guess about the contextual elements of the content

Источник: составлено Н.В. Крашевской / Source: compiled by Natalia V. Krashevskaya.

Важнейший революционный вклад И.А. Бодуэна де Куртенэ состоит в том, что он в качестве знака предлагает рассматривать, прежде всего, морфему. Это сразу совершаet прорыв в понимании сути вещей, позволяя рассматривать содержание посредника как нечто организованное по единому принципу для языков любой типологии. В этом случае признается возможной любая комбинация (блок) морфем, а слово — это лишь один из возможных вариантов: регулярно и бессознательно воспроизводимый и в силу этого закрепленный комплекс при построении высказывания.

Вторым важнейшим шагом И.А. Бодуэна де Куртенэ на пути обнаружения содержания «посредника» является детализация его составляющих, которая значительно обогащает представления о том, насколько важными являются знания, поступившие к человеку со стороны языковых сигналов. Рассуждая в контексте работ Г.П. Мельникова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, подобно А.А. Потебне, максимум потенциальной энергии начального импульса («намека») для движения сигнала по определенной траектории в сети нейронов к нужному узлу отдает максимально обобщенному образу как обладающему наивысшей потенциальной энергией в рассматриваемой замкнутой системе знак — посредник — содержание. Этот обобщенный образ стимулирует формирование регулярно повторяемых траекторий и возникающих узлов, которые в разных языках закрепляются по-своему в зависимости от того, какие знания являются наиболее достоверными для членов того или иного языкового коллектива в связи с их образом жизни. И таким образом очень значительная часть психической субстанции человеческого мышления действительно подвергается структурированию со стороны языка, что в какой-то степени придает изначальному посреднику силу законодателя, а это порождает определенные трудности в осмысливании объекта семантических исследований.

В связи с этим рассмотрим, наконец, как расценивает феномены, которые он предлагает называть терминами *значение* и *смысл*, сам Г.П. Мельников (Табл. 4). Во-первых, как и указывалось выше, Г.П. Мельников выделил целую область психической субстанции в отдельную специализированную область — так называемую «оязыковленную» область мышления. Во-вторых, тот самый содержательный элемент, о котором говорили предшественники — такой, который обладает наибольшей потенциальной энергией для запуска процесса определения траектории движения сигнала к нужному нейронному узлу при любых условиях общения, Г.П. Мельников и предлагает называть термином *значение*. Можно согласиться со скептиками, что термин уже более ста лет насыщен другим содержанием, что это создает путаницу в терминах и трудности в понимании самого феномена со стороны специалистов, и заменить общепринятое понимание на иное, как показало время, оказалось невозможным. Здесь содержится призыв главным образом к пониманию сути содержательной и функциональной специфики самого феномена. Есть надежда, что со временем, когда станет понятной необходимость опоры на данный феномен для того,

чтобы произошла революция в сфере человека-машинного общения, будет стихийно выработан иной термин. Люди, знающие Г.П. Мельникова, уверены, что он бы не возражал, если бы это способствовало переосмыслинию сути объекта в нужном направлении. Он еще несколько десятилетий назад высказал требование: человеко-машинное общение должно быть содержательным. В настоящее время значительные успехи в этой области были достигнуты за счет революции в технологиях, позволяющих обрабатывать невероятные по объему массивы данных за считанные секунды, однако обработка данных производится исключительно с опорой на совместную встречаемость знаков. А в последнее время все более очевидным становится, что этого недостаточно.

Таблица 4 / Table 4

Г.П. Мельников / G.P. Melnikov

о знаке / about the sign	о посреднике / about the intermediary	о внеязыковом содержании / about extra-linguistic content
- морфема / morpheme - модульная (сборная) конструкция / modular design - закрепленный и воспроизведимый блок морфем (слово) / a fixed and reproducible block of morphemes (word)	- само понятие посредника как «языковленной» области мышления / the very concept of a mediator as a “linguistic” area of thinking - психический образ знака: морфемы или слова / mental image of a sign: morphemes or words - ассоциированный с ним по смежности образ, максимально обобщенный для выполнения функции намека (унифицированное значение) / an image associated with it by contiguity, maximally generalized to perform the function of a hint (unified meaning) - ассоциируемые со значениями морфем, модульных конструкций или слов образы разной степени «унификации» — ближайшие, узальные, «предконечные» смыслы / images of varying degrees of “unification” associated with the meanings of morphemes, modular constructions or words — immediate, usual, “pre-final” senses	- конечные окказиональные смыслы морфем, конструкций и слов / final occasional senses of morphemes, constructions and words - смыслы высказывания в целом: базируются на цепи намеков и на догадке о контекстных элементах содержания / the senses of the statement as a whole: based on a chain of hints and on a guess about the contextual elements of the content

Источник: составлено Н.В. Крашевской / Source: compiled by Natalia V. Krashevskaya.

Возвращаясь к предмету рассуждений, напомним, что *значение* (по Г.П. Мельникову; далее будем помечать его курсивом) — это самый мощный элемент в отношении его потенциальных ассоциирующих возможностях, но он не единственный элемент знания, порожденный общением, закрепленный и воспроизведимый. Все прочие мыслительные узлы, сформировавшиеся в процессе общения, и те знания, не имеющие источником общение, будут называться *смыслами*. Они могут быть структурированы как в ходе общения, так и под воздействием законов мышления, а по сей причине ранжированы по степени непосредственной близости к *значению*, или наоборот — к конечному содержанию высказывания как номинативного целого. Само конечное содержание высказывания формируется как результат двух взаимозависимых процессов: движения от значения каждой морфемы к смыслу воспроизведенного или модульного целого с одной стороны, и синтеза контекстных элементов содержания

высказывания — с другой, и при этом подключающие существующие дополнительные ассоциативные связи, за счет чего и возникает эффект эмерджентности. Как видим, чайник Рассела, о котором мы упоминали, а также Чеширский Квантовый кот — обязательные участники всех этих процессов: нельзя с уверенностью говорить о том, какова точная последовательность процессов, или это, возможно, не совсем последовательность, а одновременное состояние, где свойства интегрированы настолько, что сложно отделить один элемент психической субстанции от другого и возникает своего рода «квантовая запутанность» в приложении к нефизическим состояниям интегрированных элементов. Особенно важно учитывать «квантовые» особенности динамики и существования данных явлений, если мы переходим к анализу художественной речи [2; 3]. Именно там и проявляются в наибольшей степени потенциальные возможности каждого из звеньев психического содержания знака и их неразрывной взаимозависимости как в одновременном состоянии, так и во времени.

В заключение кратко остановимся на вопросе о том, почему при исследовании семантических объектов необходимо переосмысление некоторых кажущихся очевидными привычных вещей. Например, когда мы производим компонентный анализ какой-либо значимой единицы языка, мы разбиваем на компоненты — что именно? Есть ли это тот или иной смысл слова как знака, обозначающего фрагмент действительности? При этом напомним, что слово как единица языка далеко не универсальное знаковое единство в языковых знаковых системах. Кроме того, не очень ясно: то ли мы анализируем слово в целом, то ли закрепленный за ним смысл, то ли сам фрагмент действительности. Полезно? Конечно. Но явно недостаточно и не совсем о языке. Легко можно скатиться к разбиению на части и на признаки самого объекта действительности.

Все более и более приобретающее популярность стремление людей к «народной этимологии» доказывает, что люди замечают, как «потенциальная энергетика» слова начинает подменяться тем, что Г.П. Мельников называл «ярлыком»: вот знак, вот его значение (в традиционном смысле), а вот компоненты значения — по сути, признаки самого объекта. С одной стороны, результаты такого «этимологизирования» весьма своеобразны, поскольку по большей части опираются на актуально существующие в данный моментозвучия и игнорируют все известные законы развития языка. Но с другой — это радует, поскольку люди не хотят терять чувство языка. А оно становится все большей редкостью. Если провести аналогию с музыкой, невозможно без соответствующих приборов доказать человеку, лишенному музыкального слуха, что он фальшивит, если он не хочет в это верить, но заставить его не петь невозможно. То же и с чувством языка — а здесь и приборов нет (возвращаемся к недоказуемому «чайнику Рассела» и имярек «жуку в коробке», о котором нечто знает только владелец коробки, да и то со своей точки зрения).

Если не учитывать все факторы, описанные в данной работе, то иногда бывает невозможно не только объяснить иностранцу некоторые особенности

изучаемого языка, но и самому их понять. Для исследователя всегда существует искушение рассматривать конечный смысл как целое и по нему судить о характере или функции целой категории, как, например, выделить с десяток групп возвратных глаголов. На самом же деле данная категория является не совсем, и возможно даже совсем не глагольной, а представляет собой категорию высказывания с присущим ему триадичным характером, об универсальности которого неоднократно говорил Г.П. Мельников, и связана она со взаимоотношениями участников события, отраженного в высказывании.

Другой пример. Глаголы с префиксом *по-*. Обычно указывается на то, что префикс придает глаголу смысл «недолго, некоторое время». Однако есть множество примеров, которые никак не подходят под это определение: *много повидал в жизни, покраснел, побежал, везде побывал* — и т.п. А предлог *по* — это другое? Оказалось, что это тема отдельного исследования, и значение морфемы связано с идеей 2D предела возможного распространения действия или признака (в настоящий момент тема разрабатывается автором).

Последний пример. Когда-то уха автора достигли употребленные в одном контексте глаголы *вылечить* и *исцелить*. Если рассматривать их с точки зрения характера действия, то, по-видимому, первое требует длительного исполнения, второе же происходит почти мгновенно и чудесным образом. И это даже очень неплохое объяснение, если оно производится обычным человеком. Однако если исследователь выбрал его в качестве объекта изучения, то надо бы взглянуть на морфемный состав слов.

Во-первых, *вы-* и *из-* указывают на некоторые исходные точки: в первом случае точка находится внутри, во втором — снаружи. Во-вторых, корневые морфемы обладают весьма красноречивыми — разными — значениями. В первом случае корень явно не связан с лежанием, хотя народный этимолог именно так бы его и понял (и всех «тупых доцентов» прогнал бы). Просмотрев даже поверхностно ассоциативное поле данной корневой морфемы, исследователь сразу увидел бы там *и лекаря, и лектора, и врача, и вруна*, которые заговаривают не только зубы, но и другие болезни могут — словом, коли лекарь знает, что врать — заговорит болезнь, и она сама по себе выйдет. В корневой же морфеме глагола *исцелить* присутствует идея целого, и сам больной никак не сможет выйти из этого состояния. Это должен сделать тот, кто его из болезни достанет целого и невредимого — но не *вытолкнет*. Что нам дает осознание внутренней формы этих слов? А дает оно то самое чувство языка, которое делает нашу речь понятной и единой от Калининграда до Владивостока. Естественно, значения, о которых знает исследователь, у обычного носителя языка находятся в неосознанном состоянии, но практически любой носитель языка интуитивно в одной ситуации использует глагол *вылечить*, в другой — *излечить* (и здесь, несомненно, есть элемент чуда), в третьей — *исцелить*, но никогда всерьез не скажет *выцелить*, даже окказионально, но в плане игры слов — пожалуй!

Заключение

При учете дифференциации содержательной стороны языковых знаков, о которой говорилось в предложенной статье, и при учете статуса каждого из составляющих «квантовое» единство значений и смыслов, любое семантическое исследование может стать значительно более четким, ясным и интересным и принести истинное научное наслаждение самому исследователю и читателю.

Список литературы

1. Валентинова О.И. Общая теория систем Г.П. Мельникова как научная универсальность // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. Т. 1. № 5. С. 7–16. <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.007> EDN: ZXEGNE
2. Валентинова О.И. Взаимосвязь субстанции, структуры и функции в текстах высокой степени системности // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 22–37. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-22-37>. EDN: DGFCXJ
3. Валентинова О.И. Образное мышление в науке (на материале сочинения В.О. Ключевского «История России») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048> EDN: NVUWTN

References

1. Valentinova, O.I. (2024). General Theory of Systems of G.P. Melnikov as a Scientific Universal. *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education*, 5(1), 7–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.007> EDN: ZXEGNE
2. Valentinova, O.I. (2024). The Interconnection of Substance, Structure and Function in High Systemicity Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 22–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-22-37>. EDN: DGFCXJ
3. Valentinova, O.I. (2022). Figurative Thinking in Science (based on the Work of V.O. Klyuchevsky “History of Russia”). *Philological sciences. Scientific reports of higher education*. 4, 48–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048> EDN: NVUWTN

Сведения об авторе:

Крашевская Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАИК) (105064, Российская Федерация, г. Москва, Гороховский переулок, д. 4); *сфера научных интересов*: системная типология языков, семантика, системная лингводидактика, методика преподавания РКИ, цифровая филология; *e-mail*: breshka2@gmail.com
ORCID: 0009-0009-6016-5740; SPIN-код: 1968-3148; Author ID: 69084969.

Information about the author:

Natalia V. Krashevskaya, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Moscow State University of Geodesy and Cartography (MIIGAiK) (4, Gorokhovsky Pereulok, Moscow, Russian Federation, 105064); *Research interests*: systemic typology of languages, semantics, systemic linguodidactics, methods of teaching Russian as a foreign language, digital philology; *e-mail*: breshka2@gmail.com
ORCID: 0009-0009-6016-5740; SPIN-code: 1968-3148; Author ID: 69084969.